

Если бы это было возможно, он хотел бы начать всё сначала. Тогда он непременно держался бы как можно дальше, ведь им было на роду написано не иметь счастливого конца.

Однако Система не желала идти навстречу и помогать ему. В конце концов, задача Системы состояла в том, чтобы Цзи Е завоевал расположение Бессмертного Преподобного Байяня, а Цзи Е, наоборот, стремился сбежать как можно дальше.

Впрочем, Цзи Е уже привык, что с Системой, что без неё — всё едино. Надеяться на самого себя — вот единственный верный путь.

У входа во дворец был установлен первый защитный барьер: он открывался около шести утра и закрывался около шести вечера, почти как комендантский час.

На мосту Байхэ был установлен второй защитный барьер: он открывался с восьми до десяти утра и с двух до четырех часов дня, позволяя Цзи Е выйти и подышать свежим воздухом.

На самой вершине пика Чанбай был установлен последний барьер, обеспечивающий круглосуточное наблюдение двадцать четыре часа в сутки.

Цзи Е послушно пробыл на пике Чанбай семь дней, изучил все маршруты и наконец выбрал удачный день, чтобы сбежать.

В три часа тридцать минут дня Цзи Е, как обычно, предавался безделью у реки Байхэ. В тот день шёл дождь. Несильный, но от долгого стояния под ним одежда всё же стала влажной. Цзи Е стоял уже довольно долго, но ничего не чувствовал. Наконец, он вынужденно повернулся, собираясь уходить, и только тогда заметил вокруг себя кольцо ледяной крошки. Взглянув вдаль, он увидел Цзян Байяня, который шёл к нему с зонтом под цвет китайской розы, и невольно проворчал про себя:

Какая расточительность — использовать заклинания, чтобы превращать воду в лёд. Неудивительно, что он видел дождь, но не чувствовал капель. Какая роскошь!

Цзян Байянь держал в руках зонт из промасленной бумаги цвета морской волны. Капли дождя, падая на него, расцветали прозрачными цветами — это было очень красиво. Но человек под зонтом, слегка поднявший голову, с развевающимися седыми волосами и летящими полами одежд, с легкой улыбкой в уголках губ, был ещё прекраснее.

Цзи Е невольно покраснел. Ему не хотелось признавать, что он засмотрелся, он даже не осознавал, что так падок на красоту. Он отвёл взгляд и пошёл в противоположную сторону. Но Цзи Е был всего лишь смертным, где ему тягаться с Бессмертным Преподобным Байянем? Тот сделал один шаг, используя технику сокращения земли, и уже оказался рядом с ним.

Цзи Е отвернулся, пытаясь уклониться от зонта, но стоило ему отступить на дюйм, как зонт тут

же накрывал его снова. Пройдя несколько шагов, Цзи Е понял, что скрыться не удастся. Он был вынужден поднять голову и, встретившись взглядом с улыбающимися глазами Цзян Байяня, сердито сверкнул на него глазами.

Цзян Байянь протянул руку, желая взять Цзи Е за ладонь, но тот увернулся. Цзян Байянь не стал настаивать, а просто обнял его целиком. Глядя на гневное лицо Цзи Е, он рассмеялся:

— Хватит капризничать, пошли домой.

Тело Цзи Е напряглось, но, вспомнив о своём плане побега, он прикусил губу и не стал вырываться. В конце концов, этот властный тип не обращал внимания на его сопротивление, да и силы их были несопоставимы. К тому же, ему нужно было просто сбежать. Если он больше не умрет у него на глазах, возможно, тот будет искать его всю жизнь, как Чоу Ин, а если не найдет — это останется хотя бы светлой памятью.

Цзян Байянь обнимал Цзи Е за талию, а тот украдкой теребил его белую прядь волос. Впервые увидев этого человека, он был поражен: седые волосы, но при этом невероятная стать. Почему такой человек полюбил именно его? Он не знал, с каких пор начал благодарить Систему за её устаревшие методы оценки: она не знала о его истинных мыслях, поэтому не наказывала; не знала о любви в глубине его сердца, поэтому он мог позволить себе ещё немного побыть рядом с ним... Но что толку в этом лишнем времени? Он должен оставить ему идеальное прощание, не такое, как прежде.

Прежде? Что именно происходило раньше, Цзи Е не знал. Почему он постоянно вспоминал о прошлом, если в его памяти была лишь пустота?

В шесть вечера защитный барьер у ворот дворца опустился.

Цзи Е осторожно отодвинул руку Цзян Байяня, обнимавшую его за талию, и на цыпочках выбрался с кровати. Ворота дворца были широко распахнуты, но их преграждал прозрачный барьер. Даже если кто-то попытается его сломать, колокольчик в углу комнаты зазвенит, и этот звук разбудит сторожевого зверя-марионетку. Стоило Цзи Е попытаться сбежать, как его тут же поймали бы.

Но Цзи Е явно подготовился основательно. В этом дворце, помимо главных ворот, был ещё один выход. В воспоминаниях о прошлой жизни, после того как дворец сгорел в огне, он обнаружил под колонной главного зала маленький механизм — возможно, сам Бессмертный Преподобный Байянь о нём не знал. Нашупав переключатель, Цзи Е открыл его, и под залом внезапно показалась лестница. Цзи Е начал спускаться.

Чем дальше он шёл, тем глубже уходил под землю. В глубине тьмы виднелся слабый свет, и Цзи Е шаг за шагом пробирался к нему. Наконец, неизвестно сколько времени спустя, он увидел ярко освещенное место.

Это была ледяная комната. На стенах были инкрустированы ночные жемчужины, освещавшие её, как днём. Подойдя ближе, он обнаружил, что под толстым слоем льда скрыты огромные заросли китайских роз. Цзи Е испугался и хотел повернуть назад, но лестница оказалась замурована льдом — пути назад не было.

— А Е, ты не послушный, — в замкнутой ледяной комнате отражалась лишь фигура Цзи Е в зеркальных стенах, но голос, эхом раздававшийся в воздухе, выдавал присутствие Цзян Байяня.

Цзи Е в панике застучал по покрытой льдом лестнице, но это было бесполезно. Лёд был настолько прочным, что даже со всей своей силой он не мог сдвинуть его ни на йоту. Его ладони покраснели от холода, он метался в поисках выхода, но повсюду был только лёд. Чувство бессилия медленно охватывало его.

— Цзян Байянь, выходи! — закричал Цзи Е в пустоту. Страх заточения и гнев доводили его до безумия.

— А Е, ты поранился, — Цзян Байянь неизвестно откуда появился в комнате. Он встал рядом с Цзи Е и, не обращая внимания на сопротивление, схватил его за руки. Вся эта ледяная комната была его клеткой: если Цзи Е вошел сюда, значит, он хотел сбежать, а это означало, что политика мягкости не сработала и пора сменить методы.

Это были идеальные, тонкие и изящные руки с белой кожей и гладкими пальцами. Он так долго мечтал об этих руках, а теперь они покраснели от мороза, и на ладонях от усердия даже выступила кровь. Цзян Байянь нахмурился. Он не сдержался и провел языком по холодной ладони, пытаясь согреть её своим теплом.

Цзи Е застыл на месте, словно напуганный. Ледяное заклинание Цзян Байяня сковало всё его тело, но ощущение языка, скользящего по кончикам пальцев, вызвало странную дрожь, от которой стало не по себе. Даже если он собирался сбежать, реакция была слишком острой. Неужели тот решил перейти к решительным мерам?

Цзян Байяню быстро стало мало одного лишь тепла рук. Он заключил Цзи Е в объятия, и лёд под ногами начал трескаться, обнажая мягкую траву, усыпанную китайскими розами. Цзян Байянь бережно уложил Цзи Е на цветы и навалился сверху.

Цзи Е не мог даже вымолвить ни слова: тонкий слой льда сковал его чувства, и он мог лишь лежать, как кукла, в руках Цзян Байяня.

— А Е, не бойся. Учитель будет нежен, — Цзян Байянь закрыл глаза Цзи Е и прошептал ему на ухо невероятно мягким голосом. Его белые волосы переплелись с черными волосами Цзи Е, выглядя пугающе роскошно на фоне нежных лепестков. Это место было тем же самым, что и три года назад, этот человек был единственным, кого он глубоко любил на протяжении двух жизней. Что могло быть лучше?

Когда губы Цзян Байяня медленно коснулись губ Цзи Е, он вдруг почувствовал неладное. Тело под ним было совершенно холодным — не из-за льда, а словно оно было мертво. Он внезапно испугался и снял все ледяные заклинания, но Цзи Е остался неподвижен, подобно ледяной статуе, лишенной жизни.

Цзян Байянь задрожал от ужаса. Он не мог поверить, что человек, который секунду назад был в порядке, вдруг лишился всяких признаков жизни. Он крепко обнял Цзи Е, его голос охрип от глубокого страха, эхом разносясь по ледяной комнате:

— А Е, не пугай учителя. Что с тобой? Очнись, прошу тебя! Учитель больше не будет так делать, не будет тебя запирасть...

Но сколько бы небесной духовной энергии он ни вливал в это тело, сколько бы раз ни звал, человек в его руках не подавал ни малейшего признака жизни.

— А Е, очнись, учитель правда любит тебя, — Цзян Байянь уронил слезу. Как только она покинула его глаз, она превратилась в лёд, и вскоре Цзи Е был бережно помещен в ледяной гроб.

Вдали, среди зеленых гор, лунный свет падал на горные хребты и на юношу, который весело шагал по тропинке.

Юноша был один. На нем был ярко-пурпурный халат, в руках он сжимал прядь белых волос и прыгал от радости.

Этим юношей был не кто иной, как Цзи Е.

Он давно знал, что побег через секретный ход — дело нереальное и не будет таким простым. К тому же, Цзян Байянь несколько дней назад намеренно позволил ему увидеть тот механизм, чтобы поймать его на крючок. Поэтому Цзи Е решил сыграть на опережение: с помощью китайских роз он создал куклу, провернув блестящий трюк с подменой.

Этот метод был куда искуснее того, что он использовал, помогая Чу Цзюй сбежать. Он не только имел в запасе время и тщательно подготовился, но и использовал свой единственный магический артефакт — красную нить, на которой когда-то висели буддийские четки. В четках была накоплена небесная духовная энергия за три года, и после того, как он раздавил их, осталась только красная нить. Именно она стала важнейшим инструментом, чтобы обмануть Цзян Байяня.

В конце концов, Бессмертного Преподобного Байяня было непросто провести, но именно эта нить, пропитанная его аурой, оживила куклу из роз. Пусть всего на три часа, но этого времени было достаточно, чтобы убежать далеко-далеко.

Цзи Е, наслаждавшийся свободой, внезапно услышал голос Системы:

— Поздравляю хозяина с успешным выполнением трех заданий. Получен фрагмент атрибута Мясо монаха Тан — залог бессмертия. Награда: одно желание. Желаете использовать сейчас?

Цзи Е посмотрел на прядь белых волос в своей ладони и, подумав, улыбнулся:

— Лучше побуду в этом мире ещё три дня.

— Желание хозяина исполнено. Файлы во втором мире будут сохранены на три дня, после чего, согласно правилам, будут удалены. Прошу подготовиться, через три дня произойдет автоматический перенос в следующий мир, — Система оставалась безучастной.

— Изначально меня здесь быть не должно, так даже лучше. Но исчезнет ли то, что я оставляю после себя? А если эти вещи изначально мне не принадлежали? — Цзи Е задумался о том, что хотел сделать, и с сомнением спросил.

— Всё, что оставит хозяин, будет стерто, но поскольку время в мире совершенствования течет медленнее, время, необходимое для очистки файлов, будет соответствующим образом увеличено. Однако, если вещи принадлежат самому этому миру, Система не сможет их стереть, — ответила Система, как всегда исчерпывающе.

— Хорошо, — Цзи Е обрадовался. Он обожал такие баги в Системе! Можно было найти лазейку...

На этот раз у него наконец-то было время оставить прекрасное признание.

Благодаря удивительному восстановлению Системы, Цзи Е не только мог летать на мече, но и его тело было наполнено небесной духовной энергией до краев. Он потратил три дня, превращая пряди белых волос в маленькие безделушки и оставляя их в самых разных уголках.

Он восстановил ту самую лачугу, где они встретились впервые. Балку, которая когда-то придавила ему ногу, он «оживил» и пересадил в центр двора особняка. Это можно было считать лишь восстановлением архитектуры, разве это считалось вещью, оставленной им?

В гостинице на ночном рынке висели фонари, и кто-то напевал песню: Зеленые твои одежды, глубоко моя тоска.

Под девятой плакучей ивой у реки он закопал браслет из буддийских четок. Цзи Е специально заплатил хозяину лавки, чтобы тот закопал их, так что это тоже не было следом, оставленным им самим.

На высокой террасе Яотай он натянул сине-фиолетовые ткани, а внизу посадил китайские розы.

В Долине Злодеев в Море Демонов розы покрывали все горы, а на каждом цветке, колышущемся на ветру, были повязаны фиолетовые ленты. В глубине розового сада стояли две могилы, примыкающие друг к другу. Перед одной лежала заколка с головкой феникса, перед другой — букет сакуры.

...

Цзи Е обошел каждый уголок этого мира, стараясь чужими руками оставить как можно больше следов, которые невозможно было стереть. Учитель был так умен, что вскоре поймет — это была инсценировка смерти. Пусть же он думает, что он всё ещё жив, живет где-то в этом мире, и однажды он его найдет.

Он не любил грустных расставаний, поэтому, если возможно, хотел оставить человеку память. Он первым пройдет этот путь через тысячи гор и рек, а потом тот снова будет искать его, словно они идут плечом к плечу.

Прошлая жизнь учителя была слишком скучной, он умер так невинно, эта жизнь была слишком одержимой — пусть лучше он отправится в путешествие и немного отдохнет.

Время долгое, история короткая. Однажды он забудет его. А до тех пор — пусть он хорошо повеселится.

Я — Цзян Байянь, Бессмертный Преподобный Байянь, почитаемый всеми в мире совершенствования.

Я живу на высокой вершине Чанбай, где зима длится круглый год, но, несмотря на это, там посажено огромное поле китайских роз, которые невероятно ярко цветут прямо на снегу.

Я помню, что у меня было два ученика, но все вокруг твердят, что у меня был только один старший ученик, который погиб сто лет назад в битве против секты демонов.

Но я знаю, что они все лгут. Потому что я встретил его во второй раз.

И впервые полюбил.

Я думал, что, начав всё сначала, я просчитал всё, но главной неожиданностью стала любовь к нему. Я не знал, что самым страшным наказанием будет не то, что в прошлой жизни меня

приковали к скалам горы Хэнъю, а то, что после его ухода у меня отняли даже воспоминания о нём.

Совершенствующиеся редко заботятся о течении времени, ведь их жизнь бесконечно продлена. Большинство из них забывчивы: сто лет в мире людей — это рождение и смерть, а в мире бессмертных — лишь одна медитация. Поэтому мне приходится каждый день вспоминать его, чтобы не забыть — мою китайскую розу.

Свадьба старшего брата и Чу Цзюй произвела фурор в мире бессмертных и демонов: поздравления со всех сторон, всеобщая радость. Их союз стал договором, объединившим два мира, и казалось, что война закончилась навсегда, как он и говорил — мир во всем мире.

Конечно, не совсем.

Например, старший брат стал подкаблучником, ужасно боится жену, поэтому сделал немало уступок, отдав земли, чтобы компенсировать потери Мира Демонов.

В тот день я тоже был там, принес огромный букет свежесрезанных китайских роз, словно мы с А Е были там вместе. Чу Цзюй плакала навзрыд, старший брат смотрел на это с болью и, обнимая жену, то и дело сердито смотрел на меня. Но я знал: даже если так, вскоре они все забудут о нем.

Остальные, даже если вспомнят, будут лишь мимолетны в своей печали, а я — я в долгу перед ним, мне суждено страдать всю жизнь.

Я не раз представлял, как беру А Е за руку, как мы вместе кланяемся небу, земле, родителям и учителям, а потом, после завершения обряда, уходим в брачные покои, получая благословение всего мира. Но теперь это невозможно.

Хотя я знал, что тело в ледяной комнате — лишь кукла из роз, я был готов тратить силы и время каждый день, чтобы поддерживать эту иллюзию. Но теперь даже кукла исчезла.

А Е исчез, словно его никогда здесь не было.

Чем больше времени проходило, тем больше людей забывали о том, что у меня был ещё один ученик, забывали о короле демонов из роз в Долине Злодеев... Даже я сам начал сомневаться, встречал ли я его снова в этой жизни.

Пока однажды не обнаружил, что у меня не хватает пряди волос.

Никто, кроме А Е, не мог незаметно срезать мои волосы. Когда он только пришел на пик Чанбай, он целыми днями бегал за Дун Ли, прося подстричь его, а теперь очередь дошла и до меня?

В сердце внезапно вспыхнуло волнение. Может быть, есть ещё зацепки, которые помогут мне найти его?

Старший брат искал жену больше десяти лет, а я ранил его ещё сильнее — я готов искать его сотни, тысячи лет.

Неважно, где он.

Первым делом я отправился в его дом, в тот маленький дворик. А Е родился в богатой семье и мог бы прожить спокойную жизнь. Но он родился с сердцем невинного младенца, и с самого рождения стал объектом вождения демонов.

Обладать сокровищами, не имея сил их защитить, — иногда это тоже грех. Так же, как я не смог защитить его.

Дом А Е был разрушен, и я, прожив две жизни, так и не смог это изменить. В первой жизни я не знал, во второй — просто наблюдал со стороны.

Я не знаю, насколько этот мир был важен для А Е, но спустя три года после расставания единственное, о чем он хотел спросить, — это о доме. Хотя я не был инициатором, я действительно хладнокровно наблюдал за всем, будучи полон обиды. Если бы я знал, что мое случайное, сказанное в сердцах слово приведет А Е в такое отчаяние, я бы защищал это дорогое ему место, даже если бы пришлось умереть ещё раз.

Воспоминания о прошлой жизни всплыли в памяти. Я убил того старейшину, который причинил вред А Е, но и в этой жизни он не был хорошим человеком. Однако я знал: больше всего А Е в этой жизни ранил не кто иной, как я сам. Проклятый я.

Но сколько бы раз я ни пытался, Небесный Путь не позволял мне умереть. Казалось, он даровал мне вечную жизнь, чтобы я вечно страдал от боли забвения. Начав всё сначала, это было не столько упорство из-за привязанности, сколько желание быть с ним. Но на этот раз я стал человеком вне круга перерождений, а он уже вошел в него.

Тот маленький дворик был довольно просторным, по меркам смертных — очень богатым, но по сравнению с активами совершенствующихся, владеющих целыми горами, это было ничто. Однако, придя туда, я нашел свою прядь белых волос: она превратилась в столетнюю плакучую иву, растущую в центре двора.

Я вспомнил: именно там упала та балка, сломав ему ногу. Именно там я встретил его во второй раз.

Я не стал вырывать волосы из корней дерева. Если это тот способ компенсации, который хотел А Е, я готов отдать за это свои духовные каналы, а не просто прядь волос.

Я подарил этот дом семье из пяти человек. Они были небогаты, но жили дружно и счастливо. А Е наверняка хотел бы, чтобы на этой земле было больше смеха. Ведь он когда-то был таким жизнерадостным человеком. К тому же, младший сын в этой семье, улыбаясь, щурил глаза — точь-в-точь как А Е.

Позже я много лет скитался среди людей, открыл маленький цветочный магазин. Встречая влюбленных, я дарил им букет роз и использовал заклинания, чтобы помочь им быть вместе. Хотя это шло вразрез с правилами бессмертных, в моем возрасте правила перестали быть оковами. Тысячи лет назад я был тем, кто соблюдает правила, а тысячи лет спустя стал тем, кто их устанавливает.

А Е любил сводить людей — старший брат и Чу Цзюй были тому примером, — поэтому я тоже хотел попробовать себя в роли свата.

Наверное, потому, что моя жизнь была такой долгой, но я больше не мог найти никого, кого любил бы так же сильно, как его. Поэтому мне хотелось видеть, как влюбленные остаются вместе, словно в их обнявшихся силуэтах я видел тени себя и А Е. Это тоже было своего рода компенсацией.

Мой цветочный магазин находился в шумном городе, но видеть его могли только влюбленные. Мой магазин продавал только один вид цветов, но каждый цветок символизировал прошлое. Мой магазин стал ещё одним храмом Старика под Луной, но я никак не мог найти ту красную нить, что была в руках А Е.

Я долго странствовал среди людей и каждый праздник фонарей в середине осени приходил в ту самую гостиницу на ночном рынке. Хозяева сменялись уже несколько раз, но дела у лавки шли на удивление хорошо. Там я нашел свою вторую прядь белых волос, спрятанную в фитиле фонаря.

<http://bllate.org/book/22179/2310963>